

Ли Цинвэнь считал дни, с нетерпением ожидая возвращения отряда. Когда же охотники наконец показались на горизонте, до него дошли слухи о встрече с медведем, и сердце юноши ушло в пятки от ужаса. Однако вскоре он увидел Цзян Липина и остальных — те возвращались, придерживая руками зады.

Мальчик бросился к Цзян Липину и, вцепившись в его рукав, с тревогой спросил:

— А где брат Цзян?

— Его задержал господин Чжоу, — ответил Цзян Липин. — Не бойся, всё в порядке. Скоро он вернётся.

Один из каторжан, добравшись до дома, поспешил забраться на кан, но тут же взвыл от боли — недавняя порка давала о себе знать.

— Этот Чжоу — настоящий смеющийся тигр! — в сердцах выругался он. — На словах-то сама любезность, а как до палок дошло, так и руки у него не дрогнули...

Договорить он не успел: Липин подошёл и отвесил ему смачного пинка под зад.

— Неблагодарная ты скотина! — прикрикнул он. — Господин Чжоу только потому так и поступил, что хотел нас защитить!

В этих диких краях ссыльные, хоть и не были рабами, ценились меньше последнего скота. Просить защиты у солдат было бесполезно, а встреча с такими, как Лу Ган, и вовсе не сулила ничего, кроме горя.

Но Чжоу Фэн-нянь был совсем иного полёта. Он прилюдно упомянул старого генерала Цюя и проявил к ним снисхождение под видом наказания. Теперь стражники трижды подумают, прежде чем заносить над ними плеть. Участь каторжан определённо начала меняться к лучшему.

Слушая рассказ о событиях в лагере, Ли Цинжуй тоже втайне облегчённо вздохнул. Его никогда не пугали холода или тяжёлый труд, но мысль о том, что его родных будут безнаказанно унижать и истязать, не давала ему покоя.

Пока мужчины обсуждали охоту, кто-то принёс несколько выловленных рыб. Ма Юнцзян скептически скривился:

— Нас только что плетью отходили, а вы всё о рыбе думаете.

— На тот паёк, что нам выдают, только с голоду помирать, — огрызнулся рыбак. — Если сами еду не добудем, к весне только кости в снегу останутся!

Ли Цинвэню было не до их споров. Он во весь опор припустил к казармам, петляя между рядами домиков, из труб которых валил дым. Юноша понятия не имел, где искать этого господина Чжоу, и просто замер на морозе, надеясь на удачу.

Когда он уже окончательно продрог, в сумерках наконец мелькнул знакомый силуэт.

— Брат Цзян! — Цинвэнь бросился ему навстречу.

Цзян Цун быстро подошёл к нему. Коснувшись ладони мальчика, он почувствовал, какая она ледяная, и тут же спрятал руки ребёнка в свои широкие рукава, увлекая его обратно к жилью.

Несмотря на пережитый во время охоты страх, поездка оказалась удачной: судьба надсмотрщика Лу Гана оставалась туманной, а покровительство Чжоу Фэн-няня стало для них надёжным щитом.

Настроение у всех было приподнятое. Вернувшись в натопленную комнату, мужчины начали стаскивать верхнюю одежду, мечтая лишь о сытном ужине и крепком сне.

В печах всех трёх комнат весело гудело пламя. В огромных котлах варилась каша и томилась рыба. Младший Ли, ловко орудуя ножом, крошил кислую редьку, чтобы добавить её в похлебку. Дом, затихший на время отсутствия мужчин, снова наполнился шумом и жизнью.

Кто-то спросил Цзян Цуна, зачем господин Чжоу оставил его у себя.

— Ему нужна хорошая лисья шкура, — спокойно ответил Цзян Цун. — Наказал мне приглядывать, если попадётся достойная добыча.

— Что? Только вернулись, и снова в этот холод лезть? — недовольно проворчал кто-то. — Так ведь и сгинуть недолго!

— Я сам вызвался пойти на охоту, — возразил Цзян Цун. — Господин Чжоу лишь упомянул о шкуре вдогонку. Он не требовал ничего сию минуту — в этом году ли, в следующем...

Услышав это, Цзян Липин мгновенно сообразил, к чему клонит товарищ. Просьба о лисьей шкуре была лишь благовидным предлогом, чтобы каторжане могли беспрепятственно выходить за пределы гарнизона.

— Я пойду с тобой, — твердо сказал Липин. — И ребят покрепче возьмём.

Ли Цинвэнь, не отрываясь от котла, звонко крикнул из сеней:

— И я с вами!

Вскоре ужин был готов. На столе дымилось золотистое сорго, ароматная тушёная рыба и острая похлебка. Застучали палочки, и разговоры смолкли — изголодавшиеся мужчины принялись за еду с небывалым рвением.

В тепле и уюте, под запах вкусной пищи, они разом съели двухдневный запас провизии.

Когда большинство уже мирно похрапывало на кане, предводитель отряда, прикинув остатки запасов, лишь потёр лоб — эти парни ели за четверых. Если не пополнить провизию охотой, до первой травы им точно не дотянуть.

Узнав о планах брата, Ли Цинчжо отложил медицинский трактат: он тоже решил идти. Остальные встретили его решение одобрительным гулом — иметь в отряде знающего лекаря было великой удачей на случай любой беды.

Раз уходили оба младших брата, Ли Цинжуй и Ли Маоцунь тоже не могли остаться в стороне. Они хотели не только присматривать за младшими, но и раздобыть хоть какую-то добычу — не возвращаться же домой с пустыми руками после такого долгого пути.

Ли Маоцунь, у которого в карманах всегда было шаром покати, желал заработать больше всех. А Ли Цинжуй, потративший почти все семейные сбережения на эту поездку, понимал: раз уж они оказались в краях, где зверя — пруд приди, нужно рискнуть.

Оставив часть людей присматривать за хозяйством, Липин отобрал самых опытных воинов. В этот раз они решили уйти подальше, а значит, и подготовка требовалась серьёзная.

Собрали теплую одежду, провизию, топоры, лопаты и прочий инструмент. Когда в углу выросла внушительная гора скарба, все призадумались: как всё это унести на себе?

Глядя на сугробы, доходящие до колена, Ли Цинвэнь предложил:

— Давайте сделаем сани-волокуши!

Никто из присутствующих никогда не слышал о таком чуде. Подростку пришлось долго объяснять и рисовать на заиндевевшем окне, пока до мужчин наконец не дошло: если сделать всё правильно, по снегу можно будет летать.

Для полозьев нужно было дерево. Старина Син тайком вытащил из коровника два крепких бруса, строго наказав помалкивать, иначе ему несдобровать от начальства.

Работа закипела. Сложных изгибов делать не стали — просто тщательно выстругали и отполировали нижнюю часть брусьев, чтобы они скользили легче лёгкого.

Спустя день с небольшим, после визга пил и летящей стружки, во дворе стояли длинные деревянные сани. Выглядели они простовато, и мужчины с сомнением поглядывали на конструкцию, гадая, поедет ли она.

Цзян Липин первым уселся на волокушу и скомандовал Ма Юнцзяну:

— А ну-ка, попробуй потянуть.

Тот закатил глаза, выпустив струю пара:

— Чего это я? Сам бы слез да потянул!

— С твоей-то заячьей душой только в тепле и храбриться, — невозмутимо парировал Липин, не трогаясь с места.

Раздосадованный Ма Юнцзян изо всей силы дёрнул за верёвку. Сани послушно скользнули по насту, оставив в снегу две чёткие полосы.

Увидев, как легко пошла волокуша, все дружно захлопали. Это приспособление было куда удобнее тех тяжёлых телег, на которых они сюда добирались.

Липину показалось мало простого движения, и он потребовал скорости. Ма Юнцзян дотащил его до небольшого склона и, задышавшись, толкнул сани вниз.

Волокуша с тихим свистом устремилась вниз, и вскоре из сугробов донёсся восторженный вопль Цзян Липина.

Ли Цинвэнь, наблюдая за этим со стороны, лишь усмехнулся: кажется, суровые мужчины нашли себе новую забаву.

Когда приготовления были закончены, отряд двинулся в путь. Солдатам на посту сказали, что идут добывать лису для господина Чжоу. Стражники, с любопытством разглядывая невиданные сани, беспрепятственно открыли ворота.

Имя Чжоу Фэн-няня действительно творило чудеса.

Мул тянул волокушу, а люди шли по бокам. Настроение в этот раз было совсем иным, чем на официальной охоте. Старина Сунь во всё горло затянул какую-то песню на непонятном

наречии. Цзян Цун пояснил, что это старинный горский мотив — слов было не разобрать, но удаль и радость передавались каждому.

Хорошее настроение всегда притягивает удачу. В полдень, когда они проходили мимо заснеженного холма, в сугробах мелькнули какие-то яркие «цветы». Пока все недоумевали, откуда здесь взялись цветам, кто-то бросил в них снежком.

«Цветы» вздрогнули и зашевелились — оказалось, это фазаны зарылись в снег, выставив наружу лишь пёстрые хвосты.

В этот раз даже луки не понадобились. Охотники просто накидывали рогожные мешки на торчащие из снега хвосты и хватали ошарашенных птиц голыми руками.

Никто и подумать не мог, что добыча сама будет даваться в руки. Ли Маоцюнь от удивления даже ослабил хватку, за что тут же получил чувствительный удар клювом в ладонь. Несмотря на плотные рукавицы, было больно, но это лишь вызвало общий смех.

Вскоре на санях уже мирно лежала целая гора дичи.

Их было больше тридцати человек, и они не стали искушать судьбу, двигаясь проторённым путём. Заметив на снегу свежие отпечатки копыт — снега в них почти не было, а значит, стадо прошло совсем недавно, — охотники тут же устремились в погоню.

К сумеркам они действительно настигли диких коз, которые мирно паслись на подветренном склоне, где снег был потоньше.

Затаив дыхание, Цзян Липин и остальные медленно натянули тетиву.

Они не были профессиональными охотниками и не умели полностью скрывать своё присутствие. Вожак стада, почуввав неладное, тревожно вскинул голову и сорвался с места, увлекая за собой остальных.

Тут же свистнули стрелы. Десятки наконечников устремились вслед уходящему стаду.

Козы неслись с невероятной скоростью, поднимая целые тучи снежной пыли. Большинство стрел ушло в молоко, и лишь одна, прорезав метель, чётко вошла в шею одной из коз.

Мгновение — и стадо скрылось из виду, оставив на снегу лишь одну затихшую тушу.

Пока парни бежали за добычей, Цзян Липин хлопнул Цзян Цуна по плечу, собираясь похвалить его за меткость, но, увидев в его руках лук с лопнувшей тетивой, лишь покачал головой — ещё одно оружие приказало долго жить.

Удача сопутствовала им, но охотники не расслаблялись. Они тут же повернули назад и остановились лишь там, где уже ночевали прежде.

В этот раз им не пришлось дрожать от холода. Снег быстро расчистили, поставили плотный шатёр и развели внутри жаркий костёр. Конечно, это был не дом с каном, но тепло очага надёжно защищало от стужи.

Липин и его товарищи, прослужившие в армии немало лет, ставили лагерь так быстро и споро, что у Ли Цинвэня в глазах рябило.

Цзян Цун снаружи разделывал тушу козы, а мальчик рядом собирал фазаньи перья. Они были удивительно красивыми и яркими, а пух под ними отлично держал тепло — Цинвэнь решил, что из них получится чудесная подушка.

Закончив с перьями, Ли Цинвэнь поспешил отойти в сторону.

Заметив его суету, Цзян Липин и остальные весело загоготали:

— Гляди, Цинвэнь, хозяйство себе не отморозь!

Мальчик вспыхнул и прибавил шагу.

В кромешной темноте он не решился уходить далеко. Спрятавшись от ветра за выступом скалы, он быстро справил нужду и начал подтягивать штаны.

Он всё ещё не мог привыкнуть к таким условиям, чувствовал себя неловко и суетился. Разворачиваясь, он поскользнулся на обледенелом насте и со всего маху сел в сугроб.

Ли Цинвэнь думал, что в мягком снегу ему ничего не грозит, но под слоем пуха скрывался острый сук. Юноша издал такой истошный вопль, что в лагере все подпрыгнули.

Решив, что на ребёнка напал зверь, мужчины схватили оружие и выскочили наружу. Цзян Цун был впереди всех. Он одним рывком выдернул Цинвэня из снега и спрятал за свою спину, настороженно вглядываясь в темноту.

Когда же выяснилось, в чём дело, по лесу разнёсся такой хохот, что с деревьев посыпался иней.

Ли Цинвэнь, красный как рак, отпихнул смеющихся мужчин и полез в снег — он был полон решимости найти ту корягу и лично сжечь её в костре дотла.

Но когда он притащил «виновника» в шатёр и уже занёс руку над пламенем, Ли Цинчжо перехватил его запястье:

— Погоди, Цинвэнь. Дай-ка взглянуть.

Мальчик сердито швырнул находку брату.

— Это не ветка, — задумчиво произнёс Ли Цинчжо, внимательно изучая предмет. — Это пант — молодой олений рог. Смотрите, на нём ещё следы застывшей крови. Видно, олени сцепились, и он отломился...

Услышав это, Ли Цинвэнь мгновенно забыл об ушибленном месте — такая находка ценилась дороже любого золота.

<http://bllate.org/book/15828/1437623>